

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора. Пролог перед занавесом	7
Глава 1. Детство под барабаны	9
Глава 2. Первый взлет и Версальское крушение	16
Глава 3. Республики Веймарская и Советская	31
Глава 4. Пивной путч	40
Глава 5. «Веселая» Германия	47
Глава 6. Великая депрессия	55
Глава 7. Мюллер меняет хозяев	62
Глава 8. Игрища внешней политики	71
Глава 9. «Ночь длинных ножей»	76
Глава 10. Мюллер возглавляет гестапо	86
Глава 11. Спецслужбы бьют «по своим»	97
Глава 12. Советская разведка оживает	108
Глава 13. Дела закулисные	113
Глава 14. Неожиданный союз	121
Глава 15. РСХА и НКВД — сотрудничество и поединки	129
Глава 16. «Странная война»	140
Глава 17. Накануне нападения	151
Глава 18. «Красная капелла»	166
Глава 19. Свистят они, как пули у виска...	177
Глава 20. «Под колпаком» гестапо	184
Глава 21. Мы знакомимся с одним из «Штирлицев»	194
Глава 22. «Красная тройка»	207
Глава 23. «Приглашение к танцу»	217
Глава 24. Зондеркоманда вызывает Москву	227

Глава 25. Мюллер и власовцы	236
Глава 26. Сталин и Гитлер: несостоявшиеся покушения .	247
Глава 27. Гестапо против абвера	255
Глава 28. Короткий полет «Валькирии»	261
Глава 29. Дело идет к развязке	272
Глава 30. Семнадцать мгновений Мюллера	283
Глава 31. Финал: в рейхканцелярии и в Альпах	295
Глава 32. После занавеса...	309
Литература	332

ОТ АВТОРА. ПРОЛОГ ПЕРЕД ЗАНАВЕСОМ

Говорят, что «театр начинается с вешалки». Разумеется, это не совсем точно. Ведь в летнее время для большинства публики вешалка не требуется. Но суть, конечно, в ином — в особенном, неповторимом настроении. Занавес еще закрыт, но зрители проходят в зал, рассаживаются, листают программки, готовясь окунуться в атмосферу постановки. Когда человек берет в руки новую книгу, он испытывает похожие чувства. Ожидание чего-то неведомого, необычного. Предвкушение, как он проведет время. Он бегло листает страницы, читает аннотацию — уже настраиваясь погрузиться в сюжет, в какое-то другое время, где будут действовать те или иные герои.

Ну что ж, перед нами пройдет драма не вымышленная, а историческая, документальная. Эта книга расскажет о поединке советских и германских спецслужб в годы Великой Отечественной войны. Мало того, мы поставили перед собой задачу провести собственное расследование. Мы попытаемся найти прототип, наверное, самого знаменитого советского разведчика — Штирлица, он же Всеволод Владимирович Владимиров, он же Максим Максимович Исаев.

Хотя здесь мы сразу же сталкиваемся с серьезной проблемой. Ведь Штирлиц — собирательный персонаж. В нем соединились характеры и особенности разных наших агентов. А их было много. Сам Юлиан Семенов в интервью журналу «Дон» признавался, что он, создавая Штирлица, оттолкнулся от фигуры одного из первых советских разведчиков, действовавшего в годы гражданской войны во Владивостоке, оккупированном японцами. Но его герой вобрал в себя и переплавил лучшие черты прославленных разведчиков последующих времен, таких как Кузнецов, Зорге, Абель. Семенов пояснял: «Если писатель

хорошо узнал их всех и через них горячо и полно прочувствовал своего героя — всем своим существом уверовал в него, — то он, герой, хотя и вымышленный, собирательный, впитав живую душу и кровь автора, тоже становится живым, конкретным, индивидуальным».

Но нас интересуют, конечно же, не все разведчики. Нас интересует «именно тот» Штирлиц, из романа «Семнадцать мгновений весны» и телефильма Татьяны Лиозновой, роль которого великолепно исполнил Вячеслав Тихонов. Душевный, искренний, вдумчивый и такой элегантный в черном мундире штандартенфюрера СС. Кто приблизился к этому образу? Кто на самом деле сумел проникнуть в центральный аппарат нацистского Главного управления имперской безопасности? Кто участвовал в операциях, отраженных в сюжете романа и фильма?

Но для подобных поисков будет вполне правомерно применить ход «от обратного». Главным противником Штирлица в «Семнадцати мгновениях весны» выступит начальник гестапо, группенфюрер СС Генрих Мюллер. Это реальная историческая личность. Почему бы не сосредоточить фокус исследования именно на нем? И если мы проследим его жизненный путь, то наверняка должны встретить и Штирлица. Или нескольких людей, так или иначе имевших отношение к образу Штирлица, внесших в него некие частички собственной жизни и работы.

Причем представляется целесообразным начать «издалека», с начала XX столетия. Это позволит оценить довольно непростые колебания взаимоотношений между Германией и Россией, понять мотивы и психологию тех немцев, которые выступили жесточайшими врагами нашей страны и народа и с которыми пришлось вести смертельную борьбу. Но и других немцев, сохранявших к русским совершенно иное отношение, в том числе выбиравших путь сотрудничества с советской разведкой.

Итак, устраивайтесь поудобнее. Перелистнув страницу, сами откройте занавес. Предоставим нашим персонажам выйти на сцену...

ГЛАВА 1. ДЕТСТВО ПОД БАРАБАНЫ

Будущий начальник гестапо родился 28 апреля 1900 г. в Мюнхене, в довольно бедной семье фельдфебеля санитарной части полиции Алоиза Мюллера.

Как и большинство простонародья Баварии, семья была католической. Разумеется, младенец был окрещен по католическому обряду и получил имя Генрих. Сведений о его детских годах мало. Сперва он был слишком незначительной фигурой, чтобы кому-нибудь понадобилось ворошить его прошлое. А когда возглавил тайную политическую полицию Третьего рейха, желающих интересоваться его прошлым и давно не стало. Сам же он был человеком скрытным и о себе не распространялся. Впрочем, сведения-то, конечно, есть. Последующие германские историки даже защищали диссертации, поднимали документы, метрические книги, школьные ведомости. Но только вряд ли это представляет интерес для широкого читателя.

Ведь когда начинают «под лупой» исследовать первые жизненные шаги человека, завоевавшего ту или иную известность, это обычно выглядит довольно нудно. А особенно глупыми получаются попытки на основании случаев из детства делать далеко идущие выводы. Вот, дескать, человек в раннем возрасте стекла из рогаток бил и кошек мучил — и стал злодеем. Или наоборот — бил стекла, бил, но потом взялся за ум и вырос гением...

Но маленький Генрих Мюллер стеклом не бил. Для баварского мальчика это считалось бы просто дикостью — стекла денег стоят. И разве можно нарушать закон? Гением он тоже не был. Хотя, ясное дело, учился. Это также подразумевалось само собой: долг каждого немецкого мальчика — учиться как можно лучше, чтобы принести пользу и стране, и родным, и самому занять приличное место в жизни. В ведомостях Мюллера трудно, со скрипом, пережегались хорошие и удовлетворительные оценки. Сперва

его отдали в начальную школу в Ингольштадте, потом перевели в рабочую школу в Шробенхаузене, через год снова перевели в школу города Крумбах. Переводили отца — и Генриху тоже приходилось менять место учебы.

Однако для нашей темы гораздо полезнее рассмотреть ту обстановку, в которой рос Мюллер. Все его детство прошло «под барабаны». Германия интенсивно готовилась к большой войне. Она и образовалась-то всего за тридцать лет до его рождения, Германия. Образовалась под гром пушек, поскольку объединение множества немецких королевств, мелких княжеств и вольных городов стало возможным лишь в итоге трех победоносных войн. С Данией, Австро-Венгрией, Францией. Но в результате возникла не только новая Германская империя. Успехи вскружили головы немецким политикам, военным, обывателям, и побочным результатом объединения стали мечты о дальнейшей экспансии. А когда в 1888 г. на трон взошел агрессивный и обуянный болезненными комплексами кайзер Вильгельм II, общеевропейская война стала практически неизбежной.

В 1905 г. германский генштаб разработал окончательный вариант «плана Шлиффена» — против Франции и России. Скрупулезно учитывалась разница сроков мобилизации в различных государствах, пропускная способность германских железных дорог. Францию предполагалось сокрушить стремительным «блицкригом», пока другие потенциальные противники, русские, будут сосредотачивать войска. А потом предстояло обрушиться на них вместе с союзной Австро-Венгрией, привлечь еще и Турцию.

Кстати, почему-то принято считать, что программы мирового господства и расовые теории внедрили в Германии нацисты. Ничего подобного. Все эти теории родились и стали популярными очень задолго до Гитлера! Второй рейх во многих отношениях уже был похож на Третий. Облик, дух и политика империи определялись тремя составляющими — пангерманизмом, культом кайзера и культом

армии. Пангерманизм, по сути, перенял идеи социал-дарвинизма, но довел их до «логического» завершения. Если английские и французские колонизаторы говорили о превосходстве «цивилизованных народов» над «дикарями», то пангерманисты проводили градацию еще и внутри «цивилизованных народов», делая вывод о превосходстве германской нации. Ведь она являлась самой образованной, самой дисциплинированной и самой развитой, если она смогла легко одолеть всех противников и в короткий срок достичь впечатляющих успехов в экономике.

А раз так, ей по праву должно было принадлежать не просто «достойное», а ведущее место в мире. Ну а война становилась всего-навсего аналогом «естественного отбора» в человеческой среде. Способом народа получить свое «место под солнцем». Строились планы «Великой Германии» или «Срединной Европы», в которую должны были войти Австро-Венгрия, Балканы, Малая Азия, «родственная» Скандинавия, Бельгия, Голландия, часть Франции. У России следовало отторгнуть Финляндию, Прибалтику, Польшу, Украину, Крым, Кавказ. Все это соединялось с «Германской Центральной Африкой» — ее предполагалось образовать за счет португальских, бельгийских, французских, части британских колоний. Предусматривалось создание обширных владений в Китае, распространение влияния на Южную Америку — в противовес США.

В итоге пангерманизм начала XX в. сводился к формуле: «Пруссия под руководством короля, Германия под руководством Пруссии, мир под руководством Германии». По всей стране создавались соответствующие общественные организации — «Пангерманский союз», «Военный союз», «Немецкое колониальное товарищество», «Морская лига», «Союз обороны», ведущие пропаганду этих идей. Под теми же лозунгами возникали студенческие, молодежные, даже детские организации. Например, движение «Wandervogel». В 1910 г. по указу кайзера возник «Югендвер» («юношеская армия»), затем появил-

ся еще и «Юнгдойчланд бунд», призванный сочетать усиленную физическую подготовку с пропагандистскими задачами. В воззваниях этой организации детям внушалось: «Война прекрасна... Мы должны встречать ее мужественно, это прекрасно и замечательно, жить среди героев в церковных военных хрониках, чем умереть на пустой постели безвестным». Да и песня «Дойче, Дойче юбер аллес!» уже существовала, это был официальный кайзеровский гимн, очень популярный среди молодежи.

Сплошь и рядом повторялись высказывание Мольтке «Вечный мир — некрасивая мечта», ходовые выражения вроде «кровь и железо», «сверкающая броня». Провозглашалось, что на немцах лежит «историческая миссия обновления дряхлой Европы», и утверждалось «превосходство высшей расы». Да-да, еще тогда. Франция объявлялась «умирающей», а славяне — «этническим материалом» и «историческим врагом». Мольтке (действующий начальник генштаба!) писал: «Латинские народы прошли зенит своего развития, они не могут более внести новые оплодотворяющие элементы в развитие мира в целом. Славянские народы, Россия в особенности, все еще слишком отсталые в культурном отношении, чтобы быть способными взять на себя руководство человечеством... Британия преследует только материальные интересы. Одна лишь Германия может помочь человечеству развиваться в правильном направлении. Именно поэтому Германия не может быть сокрушена в этой борьбе, которая определит развитие человечества на несколько столетий». «Европейская война разразится рано или поздно, и это будет война между тевтонами и славянами. Долгом всех государств является поддержка знамени германской духовной культуры в деле подготовки к этому конфликту».

Нет, конечно, не все немцы были пангерманистами. В стране были очень сильны и позиции социалистов, на выборах в 1913 г. им досталась треть мест в рейхстаге. Однако и германская социал-демократия брала на воо-

ружение те стороны марксистского учения, которые, как казалось, подходили к требованиям текущего момента. А Маркс и Энгельс были яркими русофобами, и главным препятствием для победы социализма в Европе считали «реакционную» Россию. Лидеры социал-демократии А. Бебель, В. Либкнехт тоже выступали за то, чтобы «встать на защиту европейской цивилизации от разложения ее примитивной Россией». А левые провозглашали Германию... лидером «мировой революции против плутократического Запада».

Вероятно, при другом раскладе сил в государственном руководстве подобные настроения не получили бы столь широкого развития. Но во главе Германии стоял Вильгельм II со своей невыдержанностью и склонностью к аффектации. Юридически будучи конституционным монархом, а фактически — неограниченным. Как раз такие теории соответствовали его личным взглядам. Но, с другой стороны, и сам он со всеми крайностями своей натуры попадал в струю «общественных чаяний», так что воинствующий пангерманизм и культ кайзера оказывались двумя сторонами одной медали.

Генерал Вальдерзее писал о Вильгельме: «Он буквально гонится за овациями, и ничто не доставляет ему такого удовольствия, как “ура” ревущей толпы... так как он чрезвычайно высокого мнения о своих способностях». Еще будучи ребенком, он удивлял всех высказываниями вроде «Горе тем, кому я буду приказывать». А став императором, заявлял: «Немецкую политику делаю я сам, и моя страна должна следовать за мной, куда бы я ни шел». Перед ним пресмыкались и слушались беспрекословно. Культ кайзера пронизывал всю жизнь Германии. Монарх красовался на портретах не только в общественных местах, но и в каждой «приличной» немецкой семье, изображался в статуях, о нем слагались стихи и песни. Художники, поэты, музыканты соревновались в самой низкопробной лести. Перед войной вышла и книга «Кайзер и молодежь. Значение

речей кайзера для немецкого юношества», где в предисловии указывалось, что император — это «источник нашей мудрости, имеющий облагораживающее влияние».

А все это дополнялось культом военной силы. Еще в начале своего правления Вильгельм провозглашал: «Солдат и армия, а не парламентские меньшинства и их решения объединили империю. Я надеюсь на армию». Военные имели в Германии высочайший статус. Школьники и студенты оценивали сами себя главным образом с единственной точки зрения: насколько они способны стать военными. Сталелитейные магнаты, фирмы Тиссена, Круппа, Сименса вкладывали огромные средства в пропаганду армии и флота. В дела армии не позволялось вмешиваться никому, военнослужащие были неподсудны для гражданских властей. Все ключевые решения принимал сам Вильгельм, и начальник генштаба имел к нему прямой доступ в любой час дня и ночи.

Но и армию он воспитывал по-своему. Еще во Франко-прусской войне немцы отличились чрезмерной по тому времени жестокостью. Эти качества культивировались и позже. В 1891 г. в речи перед новобранцами кайзер поучал: «Может случиться так, что я отдам вам приказ стрелять в своих родственников, братьев, знакомых, и даже тогда вы должны выполнять мои приказы безропотно». В 1900 г., отправляя в Китай экспедиционный корпус, Вильгельм призвал солдат вести себя «как гунны»: «Пощады не давать, пленных не брать. Тот, кто попадет к вам в руки, в вашей власти». И они приучались действовать именно так. В 1904–1907 гг. произошло восстание племен гереро в Юго-Западной Африке. Германские войска под командованием Лотера фон Тротта «подавили» их настолько круто, что из 200 тысяч человек, составлявших народ гереро, в живых осталось около 15 тысяч, да и тех загнали в малопригодные для обитания пустыни Намибии. Да, нацизма еще не было, а это уже было. Только протестов еще не вызывало, так как по «цивилизованным» понятиям начала XX века «дикари» за людей не считались.

Наложили ли отпечаток «военные барабаны» на душу Генриха Мюллера? Наверняка. Конечно, как все дети, он играл в «войнушку» — в то время в Германии ни во что другое дети не играли. И о военных подвигах все дети мечтали... Но Генриху, судя по всему, долго играть не пришлось. Семья была бедной, жалованье у отца невысокое. Во время своей полицейской службы он сумел выучиться на садовника и получил место управляющего в одном из баварских поместий. Это было более выгодным.

Помышлял ли о службе в полиции сам Генрих? Кстати, как раз начале XX в. завоевал популярность детективный жанр литературы, выходили все новые книжки о похождениях Шерлока Холмса, Ната Пинкертона... Но неизвестно, читал ли их Мюллер. Впоследствии он очень любил «полицейские» произведения Чапека. Но это было уже много лет спустя, когда и время стало другим, и социальное положение Мюллера, и сам он в значительной мере изменился. А в детстве — кто знает? Да и были ли у него деньги на книги?

А полицейскую жизнь он видел у себя дома без романтики, без прикрас. Хлопоты, труды, бессонные ночи, дежурства, низкие оклады. Нет, у Генриха возникло другое увлечение — техника! Она в начале века стремительно развивалась. На улицах фырчали первые автомобили, загорались первые электрические лампочки, в эфире звучали первые переговоры по радио, в глубины морей погружались первые подводные лодки, в небо взмывали первые аэропланы. Это было волшебно, героически, создавало ощущение человеческого всемогущества, казалось — дает людям власть над природой.

Но Генрих, ко всему прочему, рос мальчишкой трудолюбивым, основательным. Свои возможности он оценивал трезво. Университеты, высшие училища — это не для него. Усидчивостью и упорством он закончил восемь классов, и достаточно. Опять же, дальнейшее образование стоило денег. Зачем же сидеть на шее у родителей?

В 1914 г. он оставил школу. Поступил учеником-подмастерьем на Мюнхенский авиационный завод. Обрел самостоятельность, заработки, а при этом и воплощал свою мечту. Сам, своими руками стал собирать сказочные аппараты, поднимавшиеся в небеса!

Впрочем, это в полной мере попадало и в струю «барabanной» пропагандистской шумихи, заливавшей Германию. В 14 лет мальчик уже трудился на величие империи, помогал одолеть французов, русских, англичан и других врагов, «окруживших» ее, исполнить великую историческую миссию и обрести столь необходимое ей «жизненное пространство». Ведь маленькое событие, поступление юного Мюллера на авиационный завод, совпало с другим событием, глобальным. Загремела мировая война.

ГЛАВА 2. ПЕРВЫЙ ВЗЛЕТ И ВЕРСАЛЬСКОЕ КРУШЕНИЕ

Начало войны вызвало в германском обществе единоклубный восторженный порыв. По всей стране катились шовинистические манифестации и «факельцуги». Взахлеб повторялось выражение кронпринца Вильгельма «*frischfrolich Krieg*», что можно перевести как «освежающая веселая война». Многие вступали в армию добровольцами. Одним из них, кстати, стал австриец Адольф Гитлер. От призыва в многонациональную австро-венгерскую армию он уклонился, поскольку сражаться за разношерстную империю Габсбургов, зараженную «славянством» и «еврейством», не желал. Но войну считал необходимой и писал, что «само существование германской нации было под вопросом». Перебравшись в Мюнхен, он подал петицию с просьбой принять его волонтером на имя короля Баварии Людвига III (в Германии наряду с императором еще сохранялись престолы королей и герцогов отдельных земель). Прошение уважили, и Гитлер был призван в запасной полк, вскоре направленный в Бельгию.

Но стоит отметить, в ходе Первой мировой в руководстве и войсках Германии и ее союзников проявились те же самые качества, которые в полной мере будут характерны и для Второй мировой. С одной стороны, доблесть, высочайшее воинское мастерство. С другой — уже просматривались черты «белокурой бестии», разве что масштабы были поменьше. Причем жестокость обосновывалась чисто практическими соображениями. Еще Клаузевиц ввел в свое учение о войне «теорию устрашения». Писал, что «нужно бороться против заблуждений, которые исходят из добродушия». Он доказывал, что мирное население должно испытывать все тяготы войны — тогда оно будет воздействовать на правительство, чтобы поскорее запросило мира. Шлиффен дополнил эти мысли «доктриной устрашения».

По планам «блицкрига» оставлять крупные силы в тылу для поддержания порядка вообще было нельзя. А значит, требовалось сразу же так запугать местное население, чтобы даже пикнуть не смело. Для этого осуществлялся «превентивный террор». Приказы кайзеровского командования прямо предписывали «жестокие и непреклонные меры», «расстрел отдельных лиц и сжигание домов». В Бельгии, Франции, Польше оккупанты повсюду брали заложников из местных жителей. За любые «враждебные акции» или просто «нелояльность» со стороны населения этих заложников расстреливали десятками и сотнями. Несколько городов сожгли дотла, перебив всех, кто попался под руку. Захватив Сербию, австрийцы и немцы залили ее потоками крови, по городам и селам выросли рощи виселиц. Турция при покровительстве и поощрении Германии впервые в истории целенаправленно организовала кампанию геноцида нескольких христианских народов — было вырезано и выморено в концлагерях 2 млн армян, айсоров, халдеев, сирийских христиан.

В 1915 г. германские войска смогли занять западные области Российской империи и вовсю развернули их ос-

воение, «германизацию». Министр иностранных дел фон Ягов представил кайзеру меморандум: «До сих пор гигантская Российская империя с ее неиссякаемыми людскими ресурсами, способностью к экономическому возрождению и экспансионистскими тенденциями нависала над Западной Европой как кошмар... Русская раса, частично славянская, частично монгольская, является враждебной германо-латинским народам Запада...» Как видим, терминология уже очень смахивала на грядущие труды доктора Геббельса.

Практические меры по «германизации» разрабатывал тайный советник МИД М.Серинг. Он отмечал, что в Курляндии это будет легко, 10% немецкого населения, уже имевшихся там, «будет достаточно для германизации крестьян, рабочих и интеллигенции. Экономические меры и германские средние школы сделают свое дело». А из Литвы предполагалось депортировать поляков, превратить в «немцев» «наиболее производительных крестьян». Предусматривалось и переселение в «германизируемые» области колонистов из Германии.

Реализация данных планов была временно возложена на командование Восточным фронтом во главе с Гинденбургом и Людендорфом. По воспоминаниям современников, Людендорф в своем штабе «изучал демографическую статистику, как боевые сводки». А началась «цивилизаторская работа» с назначения генерал-интенданта оккупированных земель Эрнста фон Айзенхарта-Роте, повсеместного введения военно-полевых судов и... разрушения системы образования. Согласно приказам германского командования, отныне учителями могли быть только немцы, а преподавание разрешалось лишь на немецком языке. Все прочие учебные заведения закрывались — русские, польские, литовские, латышские. Немецкий язык был объявлен единственным официальным языком в оккупированных областях — на нем должны были писать все вывески, говорить в местных административных и хозяйственных